

Тема I. Простое предложение

Предложение является одной из основных единиц синтаксиса. В широком смысле слова это любое (распространенное или состоящее из одного слова) высказывание, которое содержит сообщение о чем-либо. Предложение противопоставляется слову и словосочетанию тем, что только в предложении реализуется специфическое синтаксическое отношение предикативности, которая устанавливает соотношенность сообщаемого с действительностью. Это достигается благодаря тому, что сообщаемое представляется как реально осуществляющееся во времени (настоящем, прошедшем, будущем) или мыслится как ирреальное (возможное, желаемое, требуемое).

Предложение может быть **простым и сложным**. Простое предложение, как нераспространенное, так и распространенное, включает два члена (две формы слов), связанные предикативным отношением, или один член, на основе чего различаются **двусоставные и односоставные предложения**.

Структура двусоставного предложения как основной единицы выражения законченной мысли, суждения формировалась в течение продолжительного периода времени и восходит, как считают исследователи, к сочетанию двух слов, которые могли находиться в предикативных или атрибутивных отношениях (эти отношения в праславянскую эпоху были еще слабо дифференцированы). При значительной устойчивости структуры двусоставного предложения в ней отражались изменения, обусловленные становлением новых синтаксических связей и отношений, а также развитием новых способов выражения этих отношений.

1. Способы выражения главных членов предложения

К началу письменного периода древнерусскому языку уже известны многообразные способы выражения подлежащего и сказуемого.

1.1. В функции **подлежащего** выступали все именные части речи: существительное, прилагательное, местоимение, числительное в форме именительного падежа. (Особым случаем является употребление звательной формы в функции подлежащего вместо формы именительного падежа в связи с ранним смешением этих форм, как, например, в языке Русской Правды: *Оже придетъ крѣвавѣ муже на дворѣ*). До XV-XVII вв. было ограничено употребление в этой функции личных местоимений 1-2 лица, так как в древнерусском языке преобладали односоставные определенно-личные предложения, в которых указание на субъект действия заключалось в личной форме глагола-сказуемого. Личные местоимения в синтаксической позиции подлежащего, как правило, играли стилистическую роль, для расстановки смысловых акцентов, для выражения противопоставления: *иже ли не поидеши съ нами то мы собѣ будем а ты собѣ* (Поучение Владимира Мономаха). Использование действительных причастий в роли подлежащего было известно, преимущественно, памятникам церковно-книжного типа; страдательные причастия в этой функции выступали очень редко. Почти неизвестно древнерусскому языку употребление в роли подлежащего инфинитива и служебных слов.

По своей структуре подлежащее могло быть выражено не только одним словом, но и словосочетаниями разных типов (**неоднословное подлежащее**). Древнерусскому языку известны следующие основные способы выражения неоднословных подлежащих: а) словосочетания со значением совместности, которые включали форму именительного падежа существительного или местоимения с формой творительного падежа с предлогом *с*, наиболее широко представленные в памятниках с XIV-XVII вв.: *кнѡзь Давыдъ со псковичи ехаша за Нарову* (I Псковская летопись); б) количественно-именные словосочетания (числительные или неопределенно-количественные слова *мало*, *много* и др. в сочетании с существительным или местоимением в Р. падеже): *мало людии спасаюся* (I Псковская летопись); в) местоименно-выделительные словосочетания разных типов: существительное в форме именительного падежа при местоимении *нѣкто* «какой-то», *кто* «какой-нибудь»: *старьць нѣкто бѣ бѣлоризьць* (Синайский патерик); ряд неличных местоимений *кто*, *всѣ*, *каждо* с формой родительного падежа именных частей речи: *А кто насъ будетъ живъ* (Лаврентьевская летопись).

Древнейшей синтаксической нормой структуры двусоставного предложения было формальное уподобление подлежащего и сказуемого (такой тип связи называется координацией). Особый случай связи подлежащего и сказуемого наблюдается в составе тех древнерусских двусоставных предложений, где при подлежащем, выраженном собирательным существительным, употреблялось сказуемое в форме множественного числа: *и поклонися чюдъ князю* (Лаврентьевская летопись). Такой же характер древней связи подлежащего и сказуемого по смыслу (смысловая координация) был представлен при употреблении в функции подлежащего некоторых неличных местоимений (*кто*, *никто*, *всѣ*, *каждо*) в соответствии с реальным множеством лиц в субъекте: *И не давъ молитвы въ мылню не входятъ и не выходятъ никто* (Котошихин).

Упражнения

№ 1. Найдите подлежащее в следующих предложениях и дайте его грамматическую характеристику (часть речи и ее грамматические категории).

Образец: И тако побѣжени быша иноплеменници — существ. муж. р. Им. мн.

1) да не хвалится силнии силою своею. 2) как тебя милосердый владыко хранит. 3) от мене же милость ни кто не ищи. 4) любяи дѣло бес печали пребываетъ. 5) оба въкупѣ поклонистася ... и надълзѣ плакаста ся.

Ответы: 1) силнии — субст. прилаг., муж. р. Им. ед. 2) владыко — существ. муж. р. зват. ф. 3) ни кто — местоим. отриц. Им. 4) любяи — субст. прич. действ. наст. вр. муж. р. Им. ед. 5) оба — числит. сборн. Им. дв.

№2. Определите состав подлежащего и способы его выражения в следующих предложениях и.

Образец: мало людий спасошася — неоднословное подлежащее выражено количественно-именным словосочетанием.

1) Мужъ же нѣкто именемъ Вахѣфия приступи и зауши (’ударил по лицу’) и. 2) И тако князь Давыдъ со псковичи ехаша за Норову и плѣниша землю ихъ. 3) И не оста во граде ни единъ живыхъ. 4) По потопѣ трие сынове Ноеви раздѣлиша землю. 5) Да аще кто от Руси или от Грькъ створить криво.

Ответы: 1) нѣкто мужъ — местоименно-выделительное словосочетание. 2) И тако князь Давыдъ со псковичи — словосочетание с творительным совместности. 3) ни единъ живыхъ — количественно-именное словосочетание. 4) трие сынове Ноеви — количественно-именное словосочетание. 5) от Руси или от Грькъ — местоименно-выделительное словосочетание.

№3. Найдите главные члены предложения в следующих высказываниях, определите особенности их грамматической координации и объясните их причины.

Образец: Идутъ Русь на Царьградъ — координация подлежащего в форме ед. ч. и сказуемого в форме мн. ч. в связи с собирательным значением существительного в роли подлежащего.

1) А дружина моя сему смѣяти начнуть. 2) А Володимиръ со Псковичи и съ Смолняны взяша городокъ и ... пожгоша. 3) умножаху бо ся оттолѣ братия. 4) Начаша много множество людей приходити на честный ея праздникъ. 5) чернь же не хотѣша дати числа.

Ответы: 1) дружина смѣяти начнуть — собирательное значение существительного *дружина*. 2) Володимиръ со Псковичи и съ Смолняны — количественное значение словосочетания в роли подлежащего. 3) умножаху ся братия — собирательное значение существительного. 4) много множество людей — количественное значение словосочетания в роли подлежащего 5) чернь не хотѣша — собирательное значение существительного.

№4. Определите способы выражения подлежащего и укажите особые случаи, стилистически обусловленные.

Образец: И рече князь печенѣжский. а ты князь ли есть? — подлежащее выражено личным местоимением 2 л. *ты* с целью его стилистического выделения.

1) Въ то же лѣто преставися Глебовая Гюргевича Суждали. 2) И мало ихъ приидоша здоровыхъ въ Новгородъ. 3) А штобы двое или трое ѣхали а ѣздъ имъ взяти одинъ. 4) как вы нам не помогосте тако и мы вамъ не поможемъ. 5) Всякъ бо злыхъ злѣ да погыбнуть.

Ответы: 1) субстантивированное прилагательное. 2) количественно-именное словосочетание. 3) числительные сборные. 4) личные местоимения 1 и 2 л., стилистически обусловленные. 5) местоименно-выделительное словосочетание с определительным субстантивированным местоимением.

№5. Определите способы выражения подлежащего и укажите особые случаи, стилистически обусловленные.

1) Нападоша на нихъ погоня немецкая. 2) се купи Иване Обакурове у Юрья у Каргуева землю и воду и лѣсъ. 3) Иже бо ся о зълѣ радуеть то тѣ ненавидеть добра. 4) Тѣхъ норovy и ты о чадо мое приими. 5) Величаися своею зълобою съ нею сътарѣть ся.

Ответы: 1) собирательное существительное. 2) существительное в звательной форме. 3) местоимения указательно-относительное и указательное-субстантивированное. 4) личное местоимение, стилистически обусловленное. 5) субстантивированное причастие.

1.2. Весьма разнообразными в древнерусском языке были способы выражения **сказуемого**. Наиболее распространенным типом сказуемого (особенно в составе древнерусских грамот) был тип **простого глагольного сказуемого**, выраженного личными формами глагола.

1.2.1. Разновидностью глагольного сказуемого является сочетание личной формы глагола с инфинитивом — **глагольно-инфинитивное сказуемое**. В его состав входят глаголы, показывающие отношение к другому действию, выраженному инфинитивной формой. Они могут указывать на возможность, желание, обещание, намерение совершить какое-либо действие, а также на приступ к действию, на его начало или конец, прекращение действия. Например: *Начаша ему псковичи прозвище давати* (I Псковская летопись), *Инъ-сваръ же не успѣ приѣхати къ нимъ* (Суздальская летопись).

1.2.2. Уже в праславянский период наряду с личными формами глагола в функции сказуемого выступают имена. Так образуется тип **именного сказуемого**. В составе именного сказуемого имя обозначает предикативный признак, а отношение предикативности выражается при помощи глагольной связки. В ее роли выступают личные формы глагола *быти* или личные формы полужнаменательных глаголов *стати*, *чинитися*, *творитися*, *казатися*, *мьнитися*, *нарицатися*, *сѣдѣлатися* и нек. др. (к ним относится ограниченное число глаголов, имеющих служебные функции при сохранении в той или иной степени их лексического значения). Именная часть сказуемого такого типа выражена именными частями речи в форме именительного падежа: *сладка суть словеса твоя* (Слово Даниила Заточника); реже в древнерусском языке наблюдалось употребление формы творительного падежа при глагольной связке в прошедшем времени: *бѣше была черницею* (Лаврентьевская летопись). Конструкция с именительным падежом в качестве именного сказуемого известна как **конструкция со вторым именительным** (по отношению к первому именительному, в форме которого выступает подлежащее).

В истории русского языка происходило вытеснение формы именительного падежа формой творительного падежа в составе именного сказуемого в сочетании со связкой *быти* в форме прошедшего или будущего времени, что широко отразилось в синтаксической системе современного русского языка (сохранение формы именительного падежа в составе сказуемого сейчас име-

ет особый смысловой оттенок вневременности предикативного признака: *он был больной, ср.: он был больным*).

Уже в древнерусскую эпоху в форме настоящего времени был возможен пропуск связки. При этом связка, как правило, не опускалась при неназванном подлежащем: *намъ есте не братья* (I Новгородская летопись) или при подлежащем, выраженном местоимением *кто*: *кто правыи купьчь есть* (Смоленская грамота 1229 г.). Но уже в древнейших памятниках отмечено отсутствие связки в составе именного сказуемого, выраженного прилагательным, страдательным причастием или местоимением, указывающими на вневременное значение предикативного признака: *сынъ мои Святославъ малъ* (I Новгородская летопись), *Сватба пристроена, меды изварены* (Там же). Бессвязочные конструкции именного сказуемого в форме настоящего времени оказали влияние на конструкции сказуемого со связкой, в результате чего в современном русском языке глагольная связка настоящего времени в составе именного сказуемого не употребляется.

1.2.3. Заметной особенностью древнерусского синтаксиса было употребление в составном именном сказуемом кратких действительных причастий (преимущественно настоящего времени) как со связкой *быти*, так и с полужнаменательными глаголами. Такое сказуемое называется **составным причастным сказуемым**: *бѣ бо самъ любѣ жены* (Лаврентьевская летопись), *Слугы не даша ему ничтоже и тако пребысть не яды* (Житие Бориса и Глеба). В составе причастного сказуемого выступали краткие действительные причастия и без связки, особенно в том случае, если они входили в состав придаточной части предложения: *его же умѣючи того не забываете добро-го, а его же не умѣючи а тому ся учите* (Поучение Владимира Мономаха). В дальнейшем причастия утрачивали предикативность, поэтому происходило устранение составного причастного сказуемого и замена его преимущественно простым глагольным сказуемым (вместе с тем сохранялось составное именное сказуемое с краткими страдательными причастиями прошедшего времени совершенного вида типа *работа закончена* и др.).

Причастное сказуемое, выраженное действительными причастиями настоящего и прошедшего времени, в особых синтаксических условиях могло выполнять функцию **второстепенного сказуемого** — наряду со сказуемым, выраженным личной формой глагола, например: *и съдумавъше новгородьци показаша путь князю Роману* (I Новгородская летопись). Предикативная функция таких причастий подчеркивается возможностью постановки сочинительных союзов между второстепенным и главным сказуемым, а также возможностью их координации с разными подлежащими: *иде Ростовоу а сынъ оставивъ Новѣгородъ* (I Новгородская летопись), *И тѣ съдивъ лѣто и выгнаша его новгородци* (Там же). Вместе с тем глагол в сравнении с причастием обладал большей степенью предикативности, что и позволяло различать главное действие, выраженное личной формой глагола, и действие второстепенное, сопутствующее главному, выраженное причастием. В дальнейшем употребление кратких действительных причастий как второстепенных сказуемых имело своим следствием закрепление причастий в форме именитель-

ного падежа и утрату ими категорий рода и числа, что означало их превращение в неизменяемые глагольные формы — деепричастия.

2. Синтаксическая роль конструкций со вторыми косвенными падежами

Терминологическое сочетание **вторые косвенные падежи** с конкретизацией **второй винительный** (при глаголах с отрицанием — **второй родительный**), **второй дательный** обозначает характерную для древнерусского синтаксиса явление — особую структуру предикативной группы простого предложения.

2.1. Второй винительный входит в структуру предложения с прямым дополнением при переходных глаголах, которые имеют лексическое значение называния, назначения, восприятия, обладания (*нарицати, поставити, сотворити, имѣти, взати* и некот. др.). При этом переходный глагол управляет первым винительным со значением объекта действия и одновременно — вторым винительным, который выступает как необходимый компонент предикативной группы, обеспечивая смысловую законченность высказывания и тем самым выполняя функцию предикативного имени. Так, в предложении *сына моего примите собѣ князя* второй винительный *князя* наряду с первым винительным *сына* обнаруживают грамматическую соподчиненность глаголу, и в то же время второй винительный в смысловом отношении дополняет предикативную функцию глагола. Можно сказать, что два имени в составе конструкции второго винительного находятся между собой в предикативных отношениях. Это подтверждается и тем, что при втором винительном наблюдается употребление связки: *Вѣдаста бо его праведна суща* (Печерский патерик). Высокой степенью предикативности обладали причастия, поэтому конструкции со вторым винительным, в состав которых в качестве второго компонента входили такие слова, по значению были близки к придаточной части предложения с изъяснительным значением и представляли собой второй предикативный центр в кругу второстепенных членов простого предложения: *оувѣдавѣше ата Исаковиця* (I Новгородская летопись) со значением «узнали, что Исакович был схвачен».

2.2. Встречающийся изредка в древнерусских памятниках второй родительный аналогичен в синтаксическом отношении второму винительному, так как наблюдается при глаголах с отрицанием: именно в этих случаях переходный глагол имеет прямое дополнение в форме родительного падежа: *не даша его жива* (I Новгородская летопись).

2.3. Второй дательный с предикативным значением употреблялся при зависимом или независимом инфинитиве *быти* (первый дательный в этой конструкции имел значение лица): *Подобае иерейску чину рассудну быти* (К. Туровский), *Нѣсть ти пользы праздну седѣти* (Печерский патерик). Рассматриваемый оборот мог входить в двусоставное предложение или являться центром односоставного предложения, безличного или инфинитивно-безличного.

Процесс разложения и утраты конструкций со вторыми косвенными падежами в истории русского языка отражается в письменных памятниках XIII-

XVIII вв. как замена второго косвенного падежа творительным предикативным: *У Ярополка же жена грекини бѣ и бѣше была черницею* (Повесть временных лет), *тогда же Антона игуменомъ Нифонтъ архіепископъ постави* (I Новгородская летопись) и друг. примеры. Сохранение второго винительного имен существительных в литературном языке XVIII-XIX вв. было обусловлено влиянием книжно-письменных традиций. Изредка наблюдается замена второго винительного имен существительных предложной конструкцией с предлогом *с*: *Государь велѣлъ въ протопопы поставитъ въ Юрьевецъ* (Житие Аввакума), *прими мя ноне в наемника собе* (Симеон Полоцкий).

Замена второго дательного предикативным отмечена в памятниках также с XVI-XVII вв.: *подобаетъ ли ти всегда воеводою быти* (Мамаево побоище). Реже вместо второго дательного встречается конструкция местного падежа множественного числа предлогом *в*: *челобитную подали чтобъ ему быть въ патриархахъ* (Житие Аввакума).

Правда, второй дательный так же, как и второй винительный, имен прилагательных и страдательных причастий еще наблюдается в произведениях XVI-XVII вв.: *Назвалъ онъ высока себя* (Азовское сидение), *тому у нас под стеною города быть убиту* (Там же). Но в целом второй дательный в истории русского языка сохранялся дольше второго винительного.

В результате разложения и утраты конструкций со вторыми косвенными падежами в русском языке значительно расширилось употребление творительного предикативного, который становится обобщенной формой выражения предикативной функции имени.

3. Способы выражения второстепенных членов предложения

В предложении уже издавна существовали члены, которые выражали понятия о предметах или признаках, находящихся в определенной зависимости от других предметов или признаков. Различные оттенки этой зависимости объединяются в лингвистике терминами **атрибутивные, объектные и обстоятельственные** отношения.

В системе грамматических средств, служащих для выражения этих отношений, произошли на протяжении исторического периода развития русского языка значительные изменения. Различные оттенки смысловых отношений выделялись постепенно, в процессе познания, и поэтому в языке происходило совершенствование их грамматического выражения, в результате чего эти семантические отношения получали более четкое языковое выражение. В ряде случаев происходила дифференциация средств выражения. Например, вместо грамматической конструкции, включавшей существительное и согласованное с ним прилагательное (типа *убъение Игореву*), выражавшей и объектное, и субъектное отношения, сформировались разные грамматические конструкции с разными падежными формами зависимого существительного, каждой из которых было свойственно выражение отношения особого типа, ср. в современном русском языке конструкции *убийство Игоря* (объектное отношение) и *убийство Игорем* (субъектное отношение). В других случаях определенная грамматическая конструкция, например, конст-

рукция с дательным падежом существительного, меняет свое назначение и развивается от выражения принадлежности к выражению объектных отношений. Поэтому трудно говорить о том, как формировались средства выражения каждого второстепенного члена предложения в отдельности. Этим и вызывается необходимость рассмотреть вначале исторические изменения в области приименных второстепенных членов, выяснив основные тенденции в развитии определения и отчасти дополнения, а затем рассмотреть средства выражения приглагольных второстепенных членов, наметив основные линии развития дополнения и обстоятельств.

3.1. Исторические изменения в выражении приименных второстепенных членов предложения.

3.1.1. Широко распространенным приименным второстепенным членом является **согласованное определение**, функцию которого в исторический период жизни русского языка выполняли согласованные прилагательные и причастия (те же морфологические группы слов, что и в современном русском языке). Но древнерусский язык различал разновидности согласованного определения, выраженного краткой или полной формой прилагательного, например: *Того же лѣта иде ледъ силенъ изъ озера и вышибе из великого мосту городню* (I Новг. лет). Различия между этими морфологическими разновидностями согласованного определения одни исследователи определяют как различия в выражении признака неизвестного, неопределенного (краткая форма) и признака известного, уже упомянутого (полная форма). Другие основное различие находят в том, что определению, выраженному краткой формой прилагательного, свойственна большая степень предикативности. Это значит, что связь признака с определяемым понятием устанавливается лишь в момент речи. Следует отметить, что практически значение неопределенности признака и значение его предикативности часто совпадают, так как возникает потребность сообщить именно о том признаке, который ранее был неизвестен. Указанное различие подчеркивается употреблением краткой формы прилагательного в роли определения в большинстве случаев постпозитивно, в то время как полная форма чаще находится в препозиции.

В области выражения согласованного определения полные формы прилагательных рано начали вытеснять краткие, и этот процесс уже к XIV-XV вв. окончился преобладанием полных прилагательных в роли согласованного определения (за исключением кратких форм в составе устойчивых словосочетаний, например, *среди бела дня, красна девица*).

3.1.2. Другое важное изменение в способах выражения определения в русском языке — это широкое развитие **несогласованных определений**. Несогласованные определения и отчасти приименные дополнения являются приименными управляемыми существительными и развились на базе атрибутивных словосочетаний существительного и прилагательного, о чем свидетельствует соотносительность в современном русском языке конструкций согласования и управления: *солнечный восход* — *восход солнца*, *древесная кора* — *кора дерева* и под.

Дело в том, что относительные прилагательные в древнерусском языке имели гораздо больший объем значения, чем в современном русском. Кроме способности обозначать признак по принадлежности, по материалу, по отношению части и целого, по назначению, по месту или времени (*товаръ купецькый, теремъ каменый, стена градская, строение банное, горняя земля, зимняя ночь*), относительные прилагательные могли также иметь субъектно-объектные значения и употреблялись для выражения отношения к предмету, который является субъектом действия (*течение звѣздное* 'движение звезд'), для выражения отношения к предмету, который является объектом действия (*новгородская стрѣча* 'встреча с новгородцами'), для выражения отношения к предмету, который является орудием действия (*ударение копееное* 'удары копьем'). В связи с тем, что в таких случаях значение относительного прилагательного сближалось со значением существительного, употребление относительного прилагательного в роли определения с субъектным или объектным значением было утрачено. В древнерусских памятниках раннего периода уже отражается возможность выражения субъекта или объекта действия при помощи приименных управляемых существительных: *послании на погублѣнѣ Глебу* (Пов. врем. лет), *Онъ отѣхалъ а Новагорода и Пльскова не послушалъ* (Новг. грам. нач. XIV в.). Развитие таких приименных дополнений и несогласованных определений происходило в течение исторического периода развития русского языка весьма интенсивно, так что в современном языке сохранились лишь следы древних функций относительных прилагательных в виде отдельных сочетаний: *солнечный закат* (субъект действия), *ручной труд* (орудие действия) и др.

3.1.3. Особую семантическую группу определений, широко представленных в древнерусском языке, образуют согласованные определения со значением принадлежности, выраженные притяжательными прилагательными: *князь корабль, жена Борисовая, выгнанье братье*. Но уже в эпоху ранних памятников этот способ выражения принадлежности испытывает конкуренцию со стороны несогласованных определений, выраженных формой родительного падежа существительных. Дело в том, что выражение принадлежности при помощи притяжательных прилагательных во многих случаях затруднялось невозможностью передать значение принадлежности не индивидуальной, а групповой; невозможностью указания разнообразных признаков владеющего лица (иерархических, семейно-родовых и под.); невозможностью выражения принадлежности в случае употребления субстантивированных прилагательных или причастий для указания на владеющее лицо. Поэтому уже в Русской Правде, составление которой датируется XI веком, отмечена конструкция *соудъ Ярославль володимирица*, в которой комбинируется определение, выраженное притяжательным прилагательным *Ярославль*, и определение, выраженное именем существительным в родительном падеже *володимирица*. Употребление такой комбинации согласованного и несогласованного определений представляет переходный этап на пути к преимущественному выражению значения принадлежности в современном русском языке при помощи несогласованных определений.

Вытеснение притяжательных прилагательных со значением индивидуальной принадлежности формой родительного падежа существительных оказалось длительным процессом, но наиболее широко торазилось в языке памятников XVI-XVII вв. В результате этого процесса употребление притяжательных прилагательных стало непродуктивным способом выражения принадлежности в современном русском языке (в отличие от современного белорусского языка).

Таким образом, в кругу древнерусских согласованных определений происходила дифференциация атрибутивных и субъектно-объектных конструкций за счет формирования новых синтаксических конструкций (преимущественно родительного приименного) для выражения субъектно-объектных значений и значений принадлежности.

3.1.4. В развитии грамматических средств выражения приименных второстепенных членов предложения наблюдается и иной путь — утрата или переосмысление древней конструкции.

Так произошло с конструкцией дательного падежа, имевшей значение принадлежности: *копье летѣ сквозѣ оуши коневѣ* (Лаврентьевская летопись), и в то же время выражавшей субъектно-объектные значения (прежде всего, при существительных, обозначающих процесс действия): *чающе движенья водѣ* (К. Туровский), *бѣ же въ тѣ днь положеніе веригама* (Ипатьевская летопись). Конструкция с дательным падежом принадлежности рано исчезла из живого языка, заменяясь конструкцией родительного падежа имен существительных, которая получала в русском языке все большее распространение. Вместе с тем форма дательного падежа (при существительных, прилагательных, местоимениях) переживает переосмысление, сохраняясь в ряде конструкций или фразеологических выражений с объектным значением: *ты мне друг; он нам чужой; в назидание потомству; ни богу свечка, ни черту кочерга*.

Так в процессе развития синтаксических средств выражения атрибутивных отношений (значение принадлежности) сосредоточивалось в формах родительного падежа, а выражение объектных значений оказалось связанным с формой дательного падежа.

3.2. Исторические изменения в выражении приглагольных второстепенных членов предложения.

Конструкции с приглагольными второстепенными членами выражают в основном объектные и обстоятельственные отношения, на основе которых складываются основные способы выражения **дополнений и обстоятельств**. Преобразования в выражении таких отношений чаще всего связаны с изменением глагольного управления.

3.2.1. В древнерусском языке некоторые глаголы физического перемещения и воздействия имели **прямое дополнение**, выраженное винительным беспредложным. К таким глаголам относятся, например, *воевати, мстити, шествовати*: *поча Олегъ воевати деревляны* (Повесть временных лет), *от-*

мстити кровь хрстьянскую (I Новгородская летопись), *кого ради путь сій горький шествую* (Печерский патерик).

Винительный беспредложный употреблялся и при глаголах познания, сообщения, думания, чувствования, выражая как прямое, так и **косвенное дополнение**: *и тѣ исповѣда имѣ всю силуу ихѣ* (Ипатьевская летопись), *Се бо готскыя красны дѣвы поють аремя Бусово* (Слово о полку Игореве). А. А. Потебня объяснял такое употребление винительного падежа без предлога тем, что древнерусское сочетание типа *слышати бесѣду* обозначало и 'слышать беседу' и 'слышать о беседе', но различные виды объектов еще не имели своего особого способа выражения.

В дальнейшем происходила логико-семантическая дифференциация беспредложного и предложного винительного падежа, а также вытеснение беспредложного винительного формой других косвенных падежей, предложных и беспредложных (ср. совр. рус. *воевать* с кем? *мстить* кому?). Предложно-падежная форма дополнения при глаголах познания, сообщения встречается уже в древнерусских памятниках: *о биении моемъ помышляетъ* (Сказание о Борисе и Глебе). С XIV в. дополнение в форме местного падежа с предлогами *о, про* при глаголах рассматриваемого типа последовательно употребляется в памятниках письменности, наиболее близких к живой речи. Тем не менее еще у А. С. Пушкина читаем: *Он пел разлуку и печаль, И нечто, и туманну даль*.

3.2.2. Расширение употребления косвенных дополнений за счет прямых не исключало и обратного развития — замены косвенных дополнений прямыми.

Это, например, имело место при глаголах, обозначающих внутренние переживания и чувствования (*смѣяться, радоваться, негодовати, дивитися, чудитися*). В древнерусскую эпоху такие глаголы управляли дательным падежом: *да судить емоу богъ* (Мстиславова грамота), *ругающеся ему* (Житие Феодосия Печерского), *негодовахуть ему новгородьци* (I Новгородская летопись), *Птица бо радуется веснѣ а младенецъ матери* (Слово Даниила Заточника). Но в дальнейшем дополнения в форме дательного падежа употреблялись непоследовательно. Некоторые глаголы сохранили управление дательным падежом (*улыбаться, радоваться* чему?), другие изменили способ управления (*судить, ругать* кого? *негодовать* на кого?).

Причины изменения глагольного управления в каждом конкретном случае установить трудно, хотя можно считать несомненным, что причина лежит в изменении семантики глагола. Так, глагол *дружити* имел дополнение в форме дательного падежа: *Ни в чемъ другу не дружити а недругу не мстити* (Уложение царя Алексея Михайловича), очевидно, в связи с тем, в его значении присутствовал оттенок помощи другому лицу (ср. совр. *удружить*). Несомненно и влияние синтаксической аналогии на изменение глагольного управления. Например, изменение управления глагола *одолѣти* с дательного падежа на винительный произошло, очевидно, под влиянием синонимичного глагола *побѣдити*, который исконно управлял винительным.

Существенно изменилось управление глаголов восприятия: *глядѣти*, *смотрѣти*, *чаяти*, *дозирати*, *просити*, *искати*, *блюсти*, *испытывати* и др., которые в древнерусском языке могли управлять родительным падежом (так называемым родительным неполного охвата): *да позримъ синего Дону* (Слово о полку Игореве), *дѣдъ мои и отць мои доискася дружиною злата и серебра* (Ипатьевская летопись), *пожаловатися своя обиды, смотрити всякого за-пасу* (Домострой), *забывше благодѣянии нашихъ* (Послания Ивана Грозного). В дальнейшем происходило ограничение родительного падежа. В современном русском языке конструкции с родительным падежом при глаголах этой семантической группы сохранились преимущественно со значением объекта желаний или устремлений (*искать счастья, благополучия*).

При глаголах удаления, лишения в древнерусском языке широко употреблялся родительный отложительный беспредложный: *грѣха бежи* (Изборник Святослава 1076 г.), *оутаивъ ся кыянь* (Лаврентьевская летопись), *хто не въсхочетъ тянути ныне ся земля съступятъ* (Договорная грамота Дмитрия Ивановича 1389 г.), *и тии отвергошася мене* (Слово Даниила Заточника). Эта конструкция впоследствии была вытеснена предложной, употребление которой находим уже в древних памятниках: *лодь отринуша от берега* (I Новгородская летопись). Но сохранение архаических конструкций с родительным удалительным без предлога известно еще в языке А. С. Пушкина: *Теперь ты ласк моих бежишь; Ее постели сон бежит*.

3.2.3. Выражение **обстоятельств времени** было в древнерусском языке наиболее разнообразно в сравнении с выражением других обстоятельств. Например, различные, хотя далеко не все, обстоятельственные конструкции времени находим в одном предложении из I Новгородской летописи: *Въ то же лѣто* (В. с предлогом) *осень* (В. без предлога) *мѣсяця октября* (Р. без предлога) *въ 23. въ пятничи* (М. с предлогом) *приде Всеволодъ къ Новугороду*.

Распространенной была конструкция с местным падежом без предлога: *идоша веснѣ на половицѣ* (Лаврентьевская летопись) *крычатъ телѣ гы полунощы* (Слово о полку Игореве). Но параллельно с беспредложной конструкцией уже в древнейших памятниках употребляется предложная конструкция с местным падежом: *А кончили перемирье въ лѣтѣ седмъ тысящъ четьредьсѣтомъ* (Московские договорные грамоты), которая известна и современному русскому языку.

Беспредложный родительный падеж времени сохранился в русском языке лишь в названиях даты, некоторые конструкции этого типа превратились в наречия, например: *сегодня, вчера*, диал. *третьеводни*.

Конструкции с беспредложным винительным падежом могли обозначать действие, занявшее часть времени: *вечерьь вниде въ хлѣвину* (Житие Феодосия Печерского), а также и действие, занявшее весь период времени: *горѣ нощъ и весь день* (II Псковская летопись). В дальнейшем произошла дифференциация этих временных оттенков значения путем введения предлогов *в*, *на* для указания конкретного времени действия. Этот процесс отражен уже в древнейших памятниках: *въ то же лѣто приде Всеволодъ* (I Новгородская лето-

пись), *А на осень преставися Ольгъ* (там же). Беспредложная конструкция винительного времени сохранилась для обозначения временного периода, полностью охваченного действием, ср. совр. *работал ночь*.

Полностью утратилась и отсутствует в современном русском языке конструкция винительного падежа с предлогом *о* для выражения значения неопределенности времени действия, например, в древнерусском: *Мъстиславъ же, о свѣтъ заутра рече* (Повесть временных лет), *А прежнии велиции князи о то время на них не ходили* (Московский летописный свод).

Древнерусскому языку была известна еще одна конструкция с временным значением — творительный беспредложный: *приде мартъмь мѣсемъ* (I Новгородская летопись), *Стополкъ же приде ночью Вышегород* (Лаврентьевская летопись). В дальнейшем употребление творительного времени все более ограничивалось, а некоторые конструкции превращались в наречия (*зимой, ночью*).

3.2.4. Конструкции со значением **обстоятельства места** в древнерусском языке в большей мере, чем обстоятельства времени, соответствуют синтаксической системе современного русского языка.

Следует остановиться на распространенном в летописях и своеобразном выражении обстоятельства места — употреблении дательного беспредложного, который обозначал направление движения как с заходом в обозначаемый пункт, так и без захода. Например: *Въниде князь Святослав Новугороду и сѣдѣ на столѣ* (I Новгородская летопись), ср.: *придоша Новугороду в лодьяхъ и стаха по полю шатры* (Там же). Выражение различных оттенков пространственных отношений, которые несомненно различались говорящими, одной и той же грамматической формой, при одной и той же лексической группе глаголов-сказуемых, безусловно, было невыразительным и постепенно утрачивалось. Средствами различения этих пространственных отношений были предлог *в* с винительным падежом в значении продвижения внутрь и предлог *к* с дательным падежом в значении движения в определенном направлении. Такие обстоятельственные конструкции употреблялись в древнерусском языке, перемежаясь с приведенными выше беспредложными конструкциями: *А отъ Рима прити по тому же морю ко Царюгороду* (Повесть временных лет), *Приде архиепископъ Иоанъ въ Новъгородъ* (I Новгородская летопись).

Конструкция с винительным беспредложным была известна древнерусскому языку также в значении передвижения на определенном пространстве или через определенное пространство: *пробѣже Лядскую землю* (Ипатьевская летопись), *Князь Мстиславъ перебродися Днѣпръ* (Суздальская летопись). Эта форма в дальнейшем была вытеснена формой винительного падежа с предлогами *черезъ, сквозь*, употреблявшимися также в древнерусскую эпоху: *Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая* (Слово о полку Игореве), *Да проводимъ ю сквозѣ всяко страшно мѣсто* (Лаврентьевская летопись).

Древнерусскому языку известно употребление в локальном значении и местного беспредложного, например: *посади сына своего Полотъскѣ* (Лаврентьевская летопись), *загорѣся Савкинѣ дворѣ* (I Новгородская летопись).

Но уже в древнейшую эпоху эта конструкция существовала наряду с предложной с предлогом *въ*, которой и была довольно рано вытеснена: *Кто въ Киевѣ нача первѣе княжити* (Повесть временных лет).

3.2.5. Для выражения **обстоятельства причины** в древнерусском языке была широко распространена конструкция с беспредложным творительным: *Вы тѣмъ дѣлжъни есте молити за ны бога* (Мстиславова грамота), *Аще что дѣти съгрѣшають отцовымъ или мѣримъ небрежениемъ, имъ о тѣхъ грѣсѣхъ ответ дати* (Домострой). На смену такому способу выражения пришли различные предложные сочетания, но еще у А. С. Пушкина читаем: ... *страшно перечестъ, Стыдом и страхом замираю*.

Несколько реже творительного беспредложного в причинном значении отмечается конструкция с дательным падежом и предлогом *по*, причем в таких случаях характерно употребление абстрактных существительных: *на сего паде жребии по зависти дьяволи* (Повесть временных лет). Остаточное употребление этой конструкции отразилось в таких выражениях современного русского языка, как *по болезни, по недоразумению*, в составе наречий *поэтому, почему, потому*.

С причинным значением отмечена в поздних памятниках конструкция с творительным падежом с предлогом *за*: *добрые и высокие роды ... в честь не пришли за причиною и недослужением* (Котошихин). Такое употребление было, очевидно, промежуточной ступенью на пути формирования причинных конструкций с предлогом *из-за*. Остатки этой архаической формы представлены в современном языке в некоторых выражениях: *за ненадобностью, за отсутствием*.

Для выражения **обстоятельства цели** в древнерусском языке могли быть использованы причинные конструкции, так как эти два вида отношений в ряде случаев сближаются. Так, конструкции с предлогами *дѣля, про, ради* употреблялись как в причинном значении: *Аже господинъ бѣеть закупа про дело то безъ вины есть* (Русская Правда), так и в целевом значении: *Пре (про) сеи миръ трудили ся дѣбрии людие* (Смоленская грамота 1229 г.). В дальнейшем происходит последовательная дифференциация языковых средств выражения этих обстоятельственных значений.

Таким образом, как общую тенденцию в развитии грамматических средств выражения второстепенных членов предложения следует отметить дифференциацию значений той или иной синтаксической конструкции, что способствовало большей четкости выражения мысли. С этим связано, в частности, такое заметное явление, как увеличение синтаксической роли предлогов, например, при выражении ряда пространственных и временных отношений.